

Н. А. Некрасов

Петербургские углы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н48

Н48 **Некрасов Н.А.**
Петербургские углы / Н. А. Некрасов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
44 с.

ISBN 978-5-458-04124-9

Николай Алексеевич Некрасов (1821 — 1877) — русский поэт и издатель XIX в. Его творчество воспринималось совсем недавно как одна из неоспоримых вершин русской литературы.

ISBN 978-5-458-04124-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Алексеевич
Некрасов
Петербургские углы
(ИЗ ЗАПИСОК ОДНОГО
МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА)

*Ат даеца. внаймы угал, на
втором дваре,
впадвале, а о цене спрасить
квартирной
хозяйке Акулины Федотовне.
(Ярлык на воротах дома)*

Дом, на двор которого я вошел, был чрезвычайно огромен, ветх и неопрятен; меня обдало нестерпимым запахом и оглушило разнообразным криком и стуком: дом был наполнен мастеровыми, которые работали у растворенных окон и пели. В глазах у меня заpestрели отрывочные надписи вывесок, которыми был улеплен дом изнутри с такою же тщательностью, как и снаружи: *делают троур и гробы и на прокат отпускают; медную и лудят; из иностранцев Трофимов; русская привилегированная экзаменованная повивальная бабка Катерина Брагадини; пансион; Александров, в приватности Куприянов*. При каждой вывеске изображена была рука, указующая на вход в лавку или квартиру, и что-нибудь, поясняющее самую вывеску: сапог, ножницы, колбаса, окорок в лаврах, диван красный, самовар с изломанной ручкой, мундир. Способ пояснять текст рисунками выдуман гораздо прежде, чем мы думаем: он перешел в литературу прямо с вывесок. Но уважение к исторической истине заставляет сказать, что при вывеске повивальной бабки изображения никакого не было. Наконец, в угловом окне четвертого этажа торчала докрасна нарумяненная женская фигура лет тридцати, которую я сначала принял тоже за вывеску; может быть, я и не ошибся. На дворе была еще ужасная грязь; в самых воротах стояла лужа, которая, вливаясь на двор, принимала в себя лужи, стоявшие у каждого подъезда, а потом уже с шумом и журчанием величественно впадала в помойную яму; в окраинах ямы копались две свиньи, собака и четыре ветошника, громко распевавшие:

Полно, барыня, не сердись,

Вымой рожу, не ленись!

Но то, что я видел здесь, было ничтожно пред тем, что ожидало меня впереди. Угол, как уведомяла записка, отдавался на заднем дворе: нужно было войти во вторые ворота. Я вошел и увидел опять двор, немного поменьше первого, но в тысячу раз неопрятнее; целые моря открывались передо мною; с ужасом взглянул я на свои сапоги к хотел воротиться; казалось, не было здесь аршина земли, на который можно было бы ступить, не рискуя увязнуть по уши. Я решился сначала держаться как можно ближе стены, потому что окраины двора были значительно выше середины; но то была обманчивая и

страшная высота, образовавшаяся от множества всякой дряни, выливаемой и выбрасываемой жильцами из окон; ступив туда, нога вязла по колено, и в то же время в нос кидался неприятный и резкий запах. Я смекнул, что лучше последовать известной пословице и, оставив в покое окраины двора, пошел серединою. Самоотвержение мое увенчалось полным успехом: через двадцать шагов, которые я но предчувствию направил к двери с навесом, прямо против ворот, я заметил, что нога моя с каждым шагом стала вязнуть менее, еще несколько шагов -- и я очутился у двери, ведущей в подвал; поскольку нунулся и полетел... или, правильнее, поехал,-- разумеется, вниз,-- в положении весельчаков, катающихся с гор на масленице; сапоги по ступеням лестницы застучали, как барабан. Я летел очень недолго; ударился обо что-то ногой; вскочил, осмотрелся: темно, пахнет гнилой водой и капустой; дело ясное: сени. Ищу двери. Наткнулся на лоханку -- пролил; наткнулся на связку дров -- чуть опять не упал. Что-то скрипнуло, чем-то ударило меня по лбу -- ив сенях стало светлей. В полурастворившейся двери я увидел женскую фигуру. Кривая и старая баба гневно спросила, что я тут делаю, потом, не дождавшись ответа, объявила мне, что много видала таких мазуриков, да у ней нечего взять, и что она сама бы украдала, если б не грех да не стыдно.

Вы меня покуда еще не знаете, но, узнав хорошенько, увидите, что я человек щекотливый: принять меня за вора значило нанести смертельную обиду моему костюму и моей физиономии. Я не выдержал и назвал старуху душой. Есть много людей, которые равнодушнее перенесут название мошенника, чем дурака; старуха, вероятно, была из таких: при слове "дура" она как-то страшно содрогнулась и взвизгнула; ямки рябых щек ее налились кровью.

-- Дура? -- вскричала она запальчиво.-- Я дура? Нет, молод еще, чтоб я была дура... Когда я жила в Данилове... весь Даниловский уезд знает, что я не дура... Пономарица ко мне в гости хаживала... Дура, я дура!

Старуха принялась доказывать, что она не дура, не забывая называть меня дураком и мазуриком. Из уст ее летели брызги мне на лицо и на платье. Вообразить положение, в котором она находилась, может только тот, кто видал бешеную собаку.

Я сначала хотел усмирить старуху, но, сообразив, что мьяв? время дорого, а между тем она, верно, пойдет жаловаться квартальному надзирателю, и нужно будет дожидаться в конторе, а может быть до окончания дела и в арестантской, рассудил за лучшее поскорей уйти подобру-поздорову. Я уже прошел больше половины первого двора,

как вдруг долетели до меня следующие слова, которые "вставили меня воротиться:

-- Ну... зачем ты пришел?... Коли ты не вор, докажи, зачем ты ко мне, *буре*, пришел?... В гости, что ли, пришел? Я тебя не звала... Ну, скажи, зачем ты пришел?

Я объяснил старухе причину моего прихода, и она вдруг смягчилась. Нет, она сделала больше: вынула из кармана медный пятак и советовала мне потерять им ушибленное место на лбу. Я не противился -- из благодарности. Сердце мое таково, почтенные читатели, что оно не может долго питать ненависти: я простил старухе ее минутную запальчивость и отправился с нею смотреть квартиру, в которую вход был через дверь, противоположную ударившей меня по лбу.

Старуха ввела меня в довольно большую комнату, в которой царствовал матовый полусвет, какой любят художники; полусвет выходил из пяти низких окошек, которые снаружи казались стоящими на земле, а внутри были неестественно далеки от пола. Комната была вышиною аршина в три с половиной и имела свой особенный воздух, подобный которому можно встретить только в винных погребах и могильных склепах. Налево от двери огромная русская пенка с вывалившимися кирпичами; остальное пространство до двери было завалено разным хламом; пол комнаты дрожал и гнулся под ногами; щели огромные; концы некоторых досок совсем перегнили, так что, когда ступишь на один конец доски, другой поднимается. Стены комнаты были когда-то оштукатурены: кой-где сохранились крестообразно расположенные дранки, какие обыкновенно приготавливаются под штукатурку; некоторые из сохранившихся дранок, переломившись, торчали перпендикулярно; но главное украшение стен состояло не в дранках и не в остатках штукатурки: его составляли продолговатые кровавые, впрочем невинные, пятна, носившие на себе следы пальцев и оканчивавшиеся тощими остовыми погибших жертв, да густые слои расположенной по углам и под окошками, в виде гирлянд и гардин, паутины, которая тонкими нитями в разных направлениях пересекала комнату, попадая в рот и опутывая лицо. Одна из досок потолка, черного и усеянного мухами, высочила одним концом из-под среднего поперечного бруса и торчала наклонно, чему, казалось, обитатели подвала были очень рады, ибо вешали на ней полотенца свои и рубахи; с тою же целью через всю комнату проведена была веревка, укрепленная одним концом за крюк, находившийся над дверью, а другим -- за верхнюю петлю шкафа: так называю я продолговатое углубление, с полочка-

ми, без дверей, в задней стене комнаты; впрочем, говорила мне хозяйка, были когда-то и двери, но один из жильцов оторвал их и, положив в своем углу на два полена, сделал таким образом искусственную кровать. Старуха была очень недовольна самоуправством жильца, но вообще отзывалась о нем весьма хорошо.

-- А кто он такой? -- спросил я.

-- А кто его знает, кто он такой. Хороший человек: с паспортом. У меня без паспорта никого, я уж такая: хоть два целковых давай. Мало ли? Пожалуй, есть всякие... у иной кто хочет за гривну ночуй... а наутро ушел, глядь: у кого сапоги, у кого рубашку, голицы... в баню иди -- мыло пропало... Хороший жилец. Дома почитай никогда не живет, а домой придет -- спит либо пауков жучит. "Что,-- скажешь,-- Кирьяныч... охота тебе... с этакой дрянью... да еще и в руки берешь!.." -- "А что,-- говорит,-- я душеньке враг, что ли, своей,-- говорит,-- паука увижу да не раздавлю". -- "Ну дело, дело, Кирьяныч, коли не мерзит: и душе во спасенье и жильцам хорошо, и дом простоит дольше". Уж как я ему благодарна: всех пауков перевел; скажи на лекарство -- за рубль не найдешь! Словно в палатах княжеских... Да вот одним нехорош: за эту дрянь не люблю.

Старуха указала на небольшую, пепельного цвета, полуобритую собачонку, которая в то время вылезла из-под нар, расположенных в правом углу от двери, и, перехватывая зубами с места на место с неистовой быстротою, безжалостно кусала свои грязные ноги.

-- Добро бы одну держал,-- продолжала старуха,-- а то в иной раз вдруг пяток соберется... поднимут вой; известно: есть хотят. Кормить не кормит, а любит; жить, говорит, не могу без собак... Шутишь! Ну да что говорить! я уж такая... Из избы сору не выношу. Вот сами увидите: у меня... я ничего не знаю... ничего не вижу...

Старуха сделала рукою выразительный знак, на который я счел нужным отвечать ей уверением, что я не занимаюсь собачьей промышленностью, и продолжала:

-- А что до чего дойдет -- всякий за себя, бог за всех. Паспорт есть -- я не ответчица. Махнула рукой... пусть, говорю, будут собаки; мне из-за них хорошему жильцу не отказать. Да и что худого в собаке? Такая же, прости, господи, мое прегрешение, тварь, как и человек. Еще человек иной хуже: греха на нем больше; сами изволите знать: язык... А на собаке какой грех... Ученые собаки бывают: поноску подает, ползает, ей-богу... всё совершенно как человек; веселей с ними. Вот вы не изволите брезговать (я гладил серую собачонку), а иные... право, разуму, что ли, в них нет?.. Просто дрянь, механик какой-нибудь, выжига забубенная, а туда же: стану я, гово-

рит, вместе с собаками в собачьей конуре жить... Собачья конура!.. Известно, иной фанфарон: на грош амуниции, на рубль амбиции... Квартирка чем не квартирка; летом прохладно, а зимой уж такое тепло, такое тепло, что можно даже чиновнику жить, и простор...

-- А почему вы берете?

Началась рья и состоялась по четыре рубля в месяц. Старуха божилась, что никто так дешево не живет, и просила не сказывать остальным жильцам настоящей цены.

-- Всякое вам уважение сделаю. У вас ничего... Где! Молодой еще человек: верно, уж ничего...

Я хорошенько не понимал, к чему относились слова старухи, но смело отвечал: "Ничего".

-- А нельзя и без мебели; на полу уж какое спанье; разве от бедности. Кроватку поставлю... кипятком выварю... широкая-- хоть вдвоем... (старуха усмехнулась) покойно, очень покойно; только подальше от степи... ну да уж я сама и поставлю...

Я дал задатку и отправился за вещами. Перевозка стала мне в гривенник.

Когда, сопровождаемый извозчиком, я вошел с узелком и чубуками, в шинели, надетой в рукава, в мое новое жилище, кровать уже была на своем месте: в левом углу, образуемом стеною, противоположно окнам, и тою, в которой находился известный шкаф. Старуха немного прихвастнула насчет ее удобства, ибо постель была такова, что на ней двое могли спать разве по очереди; зато перед нею стоял небольшой только что выскобленный стол с отверстием в боку, доказывавшим, что в столе был когда-то и ящик. Подвал, которому поутру как будто чего-то не доставало, представлял полную, совершенно оконченную картину.

Есть обстоятельства, невольно располагающие к задумчивости при всей лепи ума и беспечности характера; Новый год, день рождения, нечаянно встреченные похороны, день переезда на новую квартиру -- я знаю, что в таких случаях задумываются даже головы, которые в остальное время ни о чем совершенно не думают. Было часов около девяти; начинались светлые петербургские летние сумерки, а в подвале становилось темно. Мухи, сбираясь роями, словно добрые пчелы, с шумом и визгливым жужжанием отправлялись к потолку для ночлега. Сверчок пел за печкой; что-то ползало у меня по лицу, что-то иголкой кололо в руку,-- я сидел неподвижно на голых досках кровати...

Дверь скрипнула, и в комнате раздались звуки, подобные звукам кастаньет.

Я вздрогнул и поднял голову.

Серая фигура медленно шла в правый угол и, продолжая прищелкивать пальцем об палец и языком, с видом совершенной беспечности кивала мне головой.

Я молчал. Серая фигура прошла к своим нарам, села и, положив левую ногу на бедро правой, долго рассматривала сапог, говоря с расстановкой:

-- Дратва скверная... ну да и ходьбы много... а толку хоть бы на грош... даже, кажется, мозоли натер... А что вы, то есть, здешние?

-- Здешний.

-- Тэк-с! А чья фамилия?

-- Тростников.

-- Знаю. Он меня бивал. С нашим барином, бывало, каждый день на охоту... промаха ли по зайцу дашь, собак опоздаешь со своры спустить -- подсачет да так прямо с лошади. А заехал сюда -- здесь и побывшился... поело смерти, говорят, сердяга и часу не жил!.. Поделом!.. Не дерись с чужими людьми. Естафий Фомич Тростников... как не знать. Задорный такой. От него, чай, и вам доставалось?

-- Я не знаю никакого Тростникова, я сам Тростников.

-- Тэк-с!.. *Извинтите-с*... а я думал, что и вы тоже господский человек... просто с глупости... Я три недели только еще из деревни... Не бывать бы и век здесь, кабы не молодая барыня... "Собаки и люди,-- говорит,-- душенька, нас разоряют; не ждите любви от меня, душенька,-- говорит,-- куда будут у нас в доме собаки". Спорили, спорили, да наконец и вышло решение: собак перевешать, а нас распустить по оброку... фффить (дворовый человек засвистал), катать-валяя в разные города и селения Расейской империи от нижеписанного числа сроком на один год... Вот я сюда и махнул... водой на самине... осьмнадцать дён плыли... всё пели... вперемьку гребли... Да вот что станешь делать! -- и сел здесь как рак на мели: нет как нет места! Проедаюсь на своих харчах, за квартиру плачу... сапоги новые истаскал; левый совсем худехонек.

Дворовый человек, отпущенный по оброку, зажег светильню, укрепленную в помадной банке, наполненной салом; вытащил хранившийся в изголовье небольшой деревянный ящик, вынул оттуда дратву, шило и молоток; снял сапог с левой ноги и принялся за работу, напевая что-то про барыню. Русский человек любит петь про барыню.

Через полчаса дверь опять открылась; вошел с собачонкой в руках рослый плечистый мужик лет пятидесяти, одетый в дубленый полушубок, с мрачным выражением лица, с окладистой бородой.

Взгляд его, походка, телодвижения -- всё обличало в нем человека рассерженного или от природы сердитого. Он прошел прямо к своим нарам (вправо от двери), гневно бросил на них собачонку, которая тотчас начала выть; перекрестился на образок, висевший над нарами; сел, потянулся, зевнул; закричал на собаку: "Молчи, пришибу!" Потом хотел погладить ее, она оцарапала ему руку, соскочила с нар и начала скребстись в дверь. Бородач бросил ей кусок хлеба; она только понюхала; он начал кликать ее к себе, давая попеременно разные собачьи названия, уродливо исковерканные, при каждой кличке останавливался и пристально смотрел на собаку; но собака не унималась. Тогда бородач, выведенный из терпения, топнул ногой и с полчаса ругал собаку, решительно не соблюдая никакого приличия в выражении своего негодования. Наконец собака смолкла и забила под нары. Бородач разлегся и принялся страшно зевать, приговаривая протяжно за каждым зевком: "Господи, помилуй! господи, по...ми...милуй!"

-- Да денег дай! -- сказал дворовый человек, отпущенный по оброку.

-- Денег у черта просить,-- проворчал сердито бородач. Разговор прекратился.

-- А что, Кирьяныч,-- сказал дворовый человек, отпущенный по оброку,-- кабы этак тебе вдруг тысяч десять... а... что бы ты стал делать?

-- Ну а ты что?

-- Десять тысяч! Много десять тысяч. Опьешься! Нашему брату, дворовому человеку, коли сыт да пьян да глаза подбиты, и важно... хоть трава не расти! да еще целовальники бы в долг без отдачи верили.

-- Ну а барин-от?

-- Барин, что барин? Оброк отдал, да я и знать-то его не хочу... а и не отдал, бог с ним... Побьет, побьет, да на воз навьет... Десять тысяч! Горячо хватил -- десять тысяч, Нечего попусту бобы разводить... четвертак бы теперь--и то знатно... ух! как бы знатно! На полштофчика, разогнать грусть-тоску...

-- Ку...а...а...а... Господи, пом...ми...луй... купи.

-- Купи? Да где куплево-то? В одном кармане пусто, в другом нет ничего... Есть, правда, полтинничек... один, словно сиротинка, прижался, да ведь, знаешь сам, голова, надо и на харчи. С голоду умереть неохота. Иное дело, кабы место найти... А то вот и сегодня у пятерых попусту был... ну уж только и господа, с самого с испода! Один вышел худенькой, тошенькой... и на говядину не годится; в

комнате три стула стоит, халатишко дыра на дыре... "У меня, милейший мой,-- говорит,-- главное дело, чтоб человек честен был, аккуратен, учлив, не пил бы, не воровал..." -- "Зачем,-- говорю,-- воровать... хорошее ли дело воровать, сударь? дай господи своего не обозреть, кто чуждому не рад. А много ли,-- говорю,-- жалованья изволите положить?" -- "Пятнадцать рублей",-- говорит. Меня инда злость пробрала... пятнадцать рублей! "Тэк-с",-- говорю... (А туда же, "не пей, не воруй"... да что у тебя украсть-то, голь саратовская?) Шапку в охапку: "Много довольны... мы не из таких, чтобы грабить нагих"... поклон да и вон... К другому пришел... толстый, рожа лопнуть хочет, красная... "Мне самому,-- говорит,-- почитай что и человека не нужно... поутру фрак да водки подать, приду из должности -- к кухмистеру сбежать, халат да водки подать, спать стану ложиться -- сапоги снять да водки подать -- вот и всё. Да вот,-- говорит,-- у меня, видишь?" -- и показывает черта такого... человек не человек, черт не черт... глаза пялит, облизывается. "Я, братец, вот посмотри",-- говорит,-- и ну по комнате с пугалом прыгать, а оно ему на плечо... рожи строит, кукиш показывает... "Так уж любит меня,-- говорит,-- Будешь за ней хорошо ходить, будет и тебе хорошо; а захворает, убьется как-нибудь... и жалованья тебе ни гроша, да еще,-- говорит,-- и того: у меня частный знакомый и надзиратели приятели есть".-- "Покорнейше благодарим,-- говорю,-- много довольны... за господами за всякими хаживал, а за чертями, нечего сказать, не случилось".-- "Это, братец, не черт,-- говорит,-- аблизияна". Кирьяныч страшно зевнул.

-- Эх ты, ежовая голова! Спишь, а деньги есть... Далась тебе даровщинка. Развязывай мошну-то. На том свете в лазарете сочтемся.

-- Толкуй,-- сказал Кирьяныч и, dokonчив фразу, как следовало, присовокупил со вздохом:-- Согрешили мы, грешные; прогневили господа бога... совсем дело дрянь! На табак гроша нет... даве на щах останную гривну в харчевне проел... совсем в носу завалило...

-- Табачку-свету нигде нету! -- сказал дворовый человек горестно. И потом, после некоторого молчания, прибавил:-- А и то сказать, какие у нашего брата деньги. Известно наше богатство: кошля не на что сшить -- по миру ходить. Иное дело у *барина*.

Мне показалось, что камушек был закинут в мой огород, и догадка моя оправдалась: дворовый человек нечувствительно перешел к тому счастливому дню, когда он, полный надеждами, прибыл из деревни и до приискания места занял угол в подвале. День тот был в полной мере торжественный: на новоселье было выпито семь